

Их новым домом стала отдельная вилла с прилегающим участком и просторным бассейном на заднем дворе.

Цзи Вэйчжоу вернулся в страну всего несколько месяцев назад, а Си Линь переехал только что. Вещей у обоих было совсем немного, и поскольку спали они в одной комнате, жизнь в таком огромном особняке казалась явным излишеством.

Вечером Цзи Вэйчжоу, облачившись в пижаму, лежал в постели и что-то сосредоточенно просматривал в телефоне. Си Линь, закончив с умыванием, привычным движением забрался на кровать и, направившись напрямиком к Цзи Вэйчжоу, подсознательно прильнул к нему, ища тепла.

- Опять? - спросил Цзи Вэйчжоу. - Тебе мало того, что ты целыми днями во сне ко мне липнешь? Теперь решил делать это, даже когда не спишь?

Си Линь приподнялся и сел на колени рядом с ним. Его пижама слегка сбилась, и он тихо, почти шепотом, произнес:

- Тебе не нравится.

- А должен? Я привык спать один, - Цзи Вэйчжоу лениво перелистнул страницу электронной книги. - Опыта в этом деле нет, никак не могу привыкнуть.

- Если тебе не нравится, ты так и скажи, - Си Линь принял понимающий вид и осторожно ткнул пальцем в руку Цзи Вэйчжоу. - Если тебе действительно неприятно, я буду ждать, пока ты уснешь, и только потом ложиться. Тогда ты даже не узнаешь.

Цзи Вэйчжоу скептически покосился на него:

- Думаешь, продержишься до тех пор, пока я усну?

Он уже успел понаблюдать за Си Линем и заметил, что, находясь рядом с ним, тот теряет всякую бдительность и вечно засыпает в самый неожиданный момент. А теперь у него и вовсе выработалась «дурная привычка»: стоило Си Линю забраться на кровать и прижаться к нему, как через пару секунд он уже крепко спал.

Цзи Вэйчжоу даже не подозревал, что Си Линь способен спать так много.

Он даже начал всерьез подозревать, что Си Линь женился на нем исключительно из-за проблем со сном – будто страдал от какого-то странного недуга, при котором можно было спокойно и крепко уснуть, только прижавшись к Цзи Вэйчжоу. Вот он и лез к нему из кожи вон, не в силах расстаться ни на миг.

А вовсе не из-за того, что просто любил его.

- Могу, - уверенно заявил Си Линь. - Я могу очень долго не спать.

Цзи Вэйчжоу насмешливо фыркнул:

- Если сегодня уснешь позже меня, я выполню любое твое желание.

Прошло всего полчаса, и Си Линь, уютно прижавшись к плечу Цзи Вэйчжоу, уснул.

Его дыхание, ровное и глубокое, согревало плечо Цзи Вэйчжоу, проникая теплом даже сквозь плотную ткань одежды.

Цзи Вэйчжоу, уже привыкший к этому, погасил прикроватную лампу и тоже лег.

Он долго ворочался с боку на бок, но сон не шел. В конце концов, он на ощупь выбрался из постели и вышел на террасу.

Вилла долго пустовала, и зеленые растения, которые он помнил здесь когда-то, давно погибли - теперь на террасе было пусто и безжизненно.

Дневные события неотступно стояли перед глазами Цзи Вэйчжоу, а уверенный голос Си Линя все еще эхом звучал в ушах. Между пальцев Цзи Вэйчжоу мерцал огонек сигареты. Он никак не мог до конца понять Си Линя.

Цзи Вэйчжоу пробыл на террасе довольно долго, дожидаясь, пока запах едкого дыма окончательно выветрится, и только потом вернулся в комнату, где горел тусклый желтый ночник.

Тело Си Линя казалось хрупким, тонким и длинным. Белоснежная шея, открытая ключица под распахнутым воротом пижамы, грудь, мерно и спокойно вздымающаяся при дыхании... При этом спал он крайне небрежно, раскидавшись по постели.

Несмотря на это, Цзи Вэйчжоу невольно вспомнил тот давний, странный сон о Си Лине.

Цзи Вэйчжоу снова лег в постель. Си Линь, словно притянутый невидимым магнитом, машинально придвинулся к нему, и его губы едва ощутимо, как легкое перышко, коснулись шеи Цзи Вэйчжоу.

Взгляд Цзи Вэйчжоу невольно приковался к губам Си Линя.

Только сейчас он заметил, что там, оказывается, была маленькая отметина.

Раздался пронзительный, режущий слух звук суо-на, зазвенели медные тарелки. Длинная процессия, извиваясь подобно змее, двигалась вперед под оглушительный шум гонгов и барабанов. Во главе колонны верхом на коне ехал человек, цокот копыт которого полностью тонул в какофонии музыки.

Неподалеку взметнулось яростное пламя – бушующий пожар стремительно охватил всю усадьбу. Вокруг раздавались отчаянные крики о помощи, в темноте сверкнула холодная сталь, и на землю густыми брызгами полетела кровь.

Спящий человек вмиг очнулся от кошмара. В тот же миг, когда он судорожно вдохнул, густой, душливый дым забил легкие, заставляя его зайтись в надрывном приступе кашля.

Его нижнее белье уже полностью пропиталось холодным потом. В углу у двери языки пламени уже жадно лизали дерево, которое с треском лопалось и дымилось. Кашляя и задыхаясь, он, не раздумывая, схватил со стойки железный меч и одним ударом разрубил запертую дверь!

Он бежал босиком, не оглядываясь, и пролез в ту самую маленькую дыру, которую проделал когда-то сам. Главный двор был изрешечен ударами оружия, повсюду виднелись лишь лужи запекшейся крови и клубы густого, серого дыма.

Вязкая кровь текла откуда-то сверху прямо к его ногам. Почувствовав под подошвами влагу, он нелепо оступился и с размаху рухнул на землю.

Он слышал собственное тяжелое, хриплое дыхание – странный, жуткий звук, словно у человека, которому пронзили грудь ножом, и воздух с присвистом вырывался из раны.

Усадьба, в которой в обычное время могли разместиться сотни людей, сейчас была погружена в гробовую тишину. Лишь чьи-то шаги медленно приближались к нему, и первобытный страх, рождавшийся в самой глубине души, постепенно сковывал все его тело, превращая его в камень.

В обычной жизни он привык бездельничать: поэзия, книги, сложные ритуалы и музыка не давались ему, а в боевых искусствах он был совершенно бездарен. Даже то, что он только что разрубил мечом дверь, заставило его в момент спасения самодовольно подумать, что он ведет себя как настоящий герой.

Если бы он действительно был героем – другое дело, но он слыл известным на всю округу бездельником, который дни напролет проводил за петушиными боями, скачками и бесконечными попойками. В руках у него не было ни гроша истинной силы. В самые лучшие времена ему даже не нужно было поднимать руки, чтобы поесть – стоило лишь махнуть рукой и открыть рот, как всё самое вкусное тут же оказывалось перед ним.

Но сейчас он нелепо стоял на коленях, дрожа всем телом. Несколько попыток подняться не увенчались успехом – от его былой спеси не осталось и следа.

Ему хотелось смеяться и плакать одновременно. Он был готов голыми руками вырыть яму и заживо закопать себя в землю, лишь бы никто не видел его нынешнего позора.

Наконец, четкий, размеренный шаг замер совсем недалеко от него. Вокруг бушевало пламя, его тело не переставало бить крупная дрожь, но он, как последний трус, дрожащими руками поднял голову.

Предводитель был одет в черный тренировочный костюм. Он неторопливо вытер алую кровь с длинного клинка, который держал под мышкой, и холодный, безжалостный блеск вновь заиграл на стали.

«Цян -»

Клинок с сухим щелчком вошел в ножны. Мужчина в черном холодно посмотрел на него и спросил:

- Как тебя зовут?

Он, едва не плача от ужаса, прохныкал:

- Я не звал...

Мужчина сделал знак рукой, принимая список. В усадьбе значился сто восемьдесят один человек, и при подсчете тел их оказалось ровно сто восемьдесят один - ни больше, ни меньше.

Стоявший рядом человек наклонился к нему и прошептал:

- Господин, я знаю этого парня. Он приехал в начале года из Юйцзина, дальний родственник уездного начальника Чжао... Сегодня ему не повезло. Может, убьем его, чтобы не оставлять свидетелей? Бросим тело в общую могилу, никто и не заметит лишнего.

- Не убивать, - тихо ответил мужчина в черном. - Раз он из Юйцзина, выделите пару человек, пусть отправят его обратно.

Его жизнь была спасена, но при упоминании Юйцзина он снова закатил глаза и чуть не упал в обморок. В горле стоял плотный ком, словно он хотел выплюнуть кровь, но пришлось сдержаться. Дождавшись, пока предводитель уйдет, он начал рвать прямо посреди этого моря крови и огня.

- Не хочу возвращаться в Юйцзин... - бормотал он, бледнея от невыносимого зловония крови, и его снова вырвало.

Его грубо подхватили под руки и выволокли из усадьбы Чжао. Снаружи выстроилась длинная вереница, и мужчина во главе снова вскочил на коня. Снова зазвучала суо-на, от которой у него болезненно заныли уши.

Словно почувствовав его взгляд, тот обернулся.

В пылу бегства он, конечно, не заботился о внешнем виде: на глазах у всех он был лишь в нижнем белье, лицо было перепачкано сажей, а одежда в пятнах крови – какая уж тут стать?

Вылитый облезлый кот, которому опалили хвост.

Человек на коне был в черном, длинный клинок висел у бедра, и тяжелая рукоять слегка покачивалась в такт движению. Позади него полыхал яростный огонь, и выглядел он в этот момент невероятно величественно.

Под таким взглядом он почувствовал жгучую неловкость, но, вспомнив, как тот убирал меч, снова покрылся холодным потом и поспешно поторопил его:

- Скорее, скорее, мне нужно в Юйцзин!

Си Линь, полностью погруженный в этот кошмарный сон, уже весь взмок от холодного пота. Он отчаянно, до боли в глазах, пытался разглядеть лицо всадника, хотел закричать, спросить, кто он такой, что это за место – Юйцзин, где он находится и что вообще происходит, но не мог ни пошевелиться, ни разомкнуть губ, словно его сковали невидимые цепи.

Внезапно пробудившись, Си Линь, все еще находясь в крепких объятиях Цзи Вэйчжоу, судорожно дернулся всем телом, невольно хватая ртом воздух, как утопленник. Горло нещадно саднило и болело, а конечности казались ватными, совершенно бессильными.

Цзи Вэйчжоу, который, как оказалось, уже давно проснулся и наблюдал за ним, спросил охрипшим спросонья голосом:

- Ты что творишь?

Си Линь, все еще пребывая в оцепенении, тихо ответил:

- ...Мне приснился сон.

- Я не про сон спрашиваю, а что делает твоя рука? - в голосе Цзи Вэйчжоу послышались подозрительные нотки.

Только в этот момент Си Линь осознал, куда именно в порыве пробуждения легла его ладонь.

У любого здорового мужчины по утрам неизбежно возникает определенная физиологическая реакция, а уж тем более у такого пышущего здоровьем и жизненной силой парня, как Цзи Вэйчжоу.

Си Линь, словно случайно схватившись за раскаленный стальной стержень, почувствовал, как тот под его пальцами стал еще более напряженным. Он поспешно, почти в испуге, отдернул руку и, бледнея, начал слабо оправдываться:

- Я не нарочно.

У Цзи Вэйчжоу было тяжелое, раздраженное утреннее настроение, но сейчас он почему-то не стал срывать на Си Линя. Он продолжал лежать неподвижно, молча и пристально глядя на него.

- Никто и не говорит, что ты сделал это нарочно, - хмыкнул он. - Чего ты так оправдываешься?

- Слушай, скажи мне, почему ты вчера так сказал? - Цзи Вэйчжоу, судя по всему, размышлял об этом всю ночь напролет. Они были знакомы не так долго, но Си Линь питал к нему такое глубокое доверие, такую уверенность и поддержку, которые Цзи Вэйчжоу не мог понять даже в самом себе. - «Для тебя нет никого лучше Цзи Вэйчжоу» - вот это. Что это вообще значит?

Си Линь, все еще находясь под сильным впечатлением от пережитого сна, был слегка дезориентирован и машинально, почти не задумываясь, ответил:

- Ты не такой, как все остальные.

- И чем же я, по-твоему, отличаюсь? - Цзи Вэйчжоу, казалось, твердо решил докопаться до

самой сути этого утверждения. – У меня тоже два глаза, один нос и один рот. Что во мне такого особенного?

Придя в себя и окончательно проснувшись, Си Линь медленно моргнул и, набравшись смелости, снова осторожно придвинулся к Цзи Вэйчжоу. Прижавшись к нему всем телом, он искренне и с какой-то обезоруживающей простотой принялся льстить:

– Ты очень сильный, красивый, у тебя отличное тело... Муж, я люблю тебя, я не выберу никого другого.

Цзи Вэйчжоу в ответ лениво тыкал пальцем в бедро Си Линя, пытаясь отпихнуть его, но тот оставался совершенно невозмутимым. Он продолжал лежать на нем, уютно устроившись и прислушиваясь к мерному стуку его сердца.

Ответ Си Линя для Цзи Вэйчжоу был, по сути, неудовлетворительным – в каком-то смысле это был ответ не по существу, уклонение от прямого вопроса. Если бы он выступал в роли строгого экзаменатора и ставил оценку, то определенно поставил бы ноль.

Смешно, неужели Цзи Вэйчжоу сам не знает, что он сильный, красивый и находится в прекрасной физической форме? У него что, глаз нет, чтобы видеть собственное отражение в зеркале?

Но в то же время ответ Си Линя почему-то показался ему вполне приемлемым и даже приятным – и всё из-за второй части фразы.

«Экзаменатор» Цзи Вэйчжоу в итоге не стал отталкивать его и даже не запретил называть себя мужем. Он просто лежал неподвижно, прикрыв глаза, и произнес ровным, почти безразличным тоном:

– Раз уж проснулся, не липни ко мне, жарко.

– Хорошо, – послушно кивнул Си Линь, но с места так и не сдвинулся. Он опустил взгляд на все еще «бодрую» часть тела Цзи Вэйчжоу и осторожно коснулся ее рукой.

Он почувствовал, что настроение у Цзи Вэйчжоу, кажется, сейчас вполне неплохое.

- Хочешь, чтобы тебе стало приятно? - Си Линь решил развить успех и заговорщицки прошептал: - Муж, я помогу тебе, а ты взамен разрешишь мне спать в обнимку с тобой каждую ночь, хорошо?

Цзи Вэйчжоу открыл глаза, встретился с абсолютно искренним, чистым взглядом Си Линя и с легким прищуром спросил:

- А ты хочешь сделать приятно мне или всё-таки себе?

Си Линь не нашелся, что ответить на этот вопрос, и просто послушно, по-детски улыбнулся.

- Чего ты улыбаешься? - Цзи Вэйчжоу скептически покосился на него. - Не понимаю, что тебя так веселит. Нет, нельзя, я не хочу.

Си Линь тут же, в одно мгновение, натянул на лицо максимально серьезное выражение. Цзи Вэйчжоу пару секунд пристально смотрел на него, но, не выдержав этой слишком уж старательной и наивной «серьезности» Си Линя, невольно отвел взгляд.

Он изо всех сил сдерживал подступившее желание рассмеяться, но быстро взял себя в руки, вернув лицу прежнее невозмутимое и даже суровое выражение.

Однако Си Линь, обладавший удивительно острым глазом, тут же поймал его с поличным и громко, с торжеством в голосе, заявил:

- Ты же тоже улыбнулся!

- Тебе показалось, - резко отрезал Цзи Вэйчжоу.

Си Линь не стал с ним спорить, лишь с тихим удивлением отметил про себя, что отношение Цзи Вэйчжоу к нему действительно сильно изменилось.

На самом деле, за то время, что он в последнее время постоянно лип к Цзи Вэйчжоу, тот действительно стал другим - уже не таким свирепым и колючим.

Теперь Цзи Вэйчжоу даже не запрещал называть себя мужем, перестал отказываться от него напрямую, не запрещал спать в обнимку и больше не злился по утрам, если его случайно будили.

Скорее всего, вчерашние слова задели Цзи Вэйчжоу за живое, и Си Линь, сам того не ведая, попал в самую точку, задев какую-то важную струну в его душе.

Что именно в этот момент думал Цзи Вэйчжоу, Си Линь действительно не знал.

Он знал лишь одно: чем дольше он находился рядом с Цзи Вэйчжоу, чем ближе прижимался к нему, тем больше обрывочных воспоминаний всплывало в его памяти, становясь всё более четкими и ясными. В этот раз он даже не забыл свой сон, что было редкостью.

Цзи Вэйчжоу наконец оттолкнул Си Линя и встал с кровати, бросив через плечо:

- Я сегодня поеду в больницу навестить Ань Сяолэ, ты со мной или нет?

- Я с тобой, конечно, с тобой! - Си Линь тоже стремительно вскочил с кровати и, словно преданный щенок, вслед за Цзи Вэйчжоу направился в ванную.

Цзи Вэйчжоу остановился и с недоумением взглянул на него:

- Ты что, в туалет тоже со мной пойдешь?

- Я зубы чистить, - резонно ответил Си Линь. Он взял зубную щетку, на которую уже была нанесенная паста, вышел из помещения, плотно закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной, продолжая усердно чистить зубы.

Пока он это делал, Си Линь задумался: мужские достоинства Цзи Вэйчжоу действительно впечатляли - и в спокойном состоянии, и в возбужденном.

Он с шумом выплюнул пену. У мужчин, кажется, всегда бывают такие утренние проблемы, но у самого Си Линя их никогда не возникало.

Если бы с Цзи Вэйчжоу...

На этой мысли Си Линь внезапно остановился и решил не продолжать. Цзи Вэйчжоу наверняка не согласится, да и Вэнь Цзя вряд ли позволил бы ему так поступить.

Хотя в глубине души Си Линь чувствовал, что таким образом он, возможно, смог бы вспомнить всё гораздо быстрее.

Цзи Вэйчжоу открыл дверь ванной, уступая место Си Линю.

Си Линь всё делал нарочито медленно: медленно и тщательно чистил зубы, медленно умывался, а затем принялся с особым усердием наносить увлажняющий крем на лицо.

Он занимался этим настолько старательно, что когда Цзи Вэйчжоу уже закончил все свои утренние процедуры, Си Линь всё еще стоял перед зеркалом, разглаживая кожу.

Цзи Вэйчжоу молча наблюдал за ним, и, заметив этот взгляд, Си Линь сам набрал немного крема на пальцы и осторожно нанес его на лицо партнера.

- Муж, ты тоже помажься, - мягко сказал Си Линь.

Цзи Вэйчжоу почувствовал приятную прохладу на своей коже. Он не шевелился и не протестовал, а Си Линь подушечками пальцев нежно и аккуратно распределил крем по одной половине его лица, а затем по другой.

На одно краткое мгновение Цзи Вэйчжоу показалось, что они с Си Линем - самая обычная, простая пара, которая познакомилась и полюбила друг друга самым естественным образом, а не из-за всей этой странной и запутанной чехарды с жизнями и смертями.

Он дождался, пока Си Линь плотно закроет баночку с кремом и поставит ее на прежнее место, и только тогда серьезно спросил:

- Когда ты собираешься заняться расследованием дела моих родителей?

<http://bllate.org/book/17940/1720496>